

***БЕРКУТОВ Кирилл Сергеевич**, аспирант кафедры связей с общественностью Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону). Автор трех научных публикаций*

ТОРГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ДЕЛОВОГО МИРА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Данная статья посвящена проблемам развития «черного» рынка и теневой экономики на территории Российской империи в годы Первой мировой войны. Разрушение устоявшихся экономических связей открыло для коммерсантов возможность получения существенного дополнительного дохода. На основе ранее не использовавшихся архивных документов были выявлены приемы и схемы незаконного осуществления операций с ключевыми товарами – продовольствием и стратегическим сырьем. Со временем «теневой» сектор начал захватывать новые отрасли народного хозяйства, внося разлад в экономический механизм и отодвигая победу над врагом. Причем мошенническими схемами, подробно описанными в статье, пользовались как мелкие торговцы, так и видные представители южнороссийской экономической элиты, например фирма наследников Е.Т. Парамонова. Местные власти отслеживали нарушения, но не имели достаточных рычагов и воли пресечь незаконную деятельность, т. к. поступление «разрешения» ожидалось сверху. Вследствие этого органам исполнительной власти приходилось лишь молча фиксировать негативные тенденции, которые сказывались на уровне жизни простых обывателей, вызывали среди них волнения, порождали различные слухи и подготавливали почву для акций гражданского неповиновения. Принадлежность братьев Парамоновых к кадетской партии и первые робкие попытки на уровне судебного дознания оценить их коммерческую деятельность могут быть частным моментом процесса усиления недовольства либеральных кругов работой правительственных учреждений.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Российская империя, теневая экономика, торговый сговор, контрабанда, спекуляция.*

Первую мировую войну по праву можно называть конфликтом не только новейшего военного, но и экономического типа. Об этом свидетельствуют как возросшее влияние производственных мощностей на исход военной кампании, так и экономические последствия от разрыва устоявшихся финансово-экономических связей для простого обывателя. Эти негативные явления привели к невиданному ранее расцвету теневой экономики, о чем далее и пойдет речь.

Экономическое положение Российской империи в годы Первой мировой войны было достаточно хорошо изучено еще в советские годы как процесс создания объективных предпосылок для социалистической революции [1]. В сравнении с этим вопросом проблема спекулятивной деятельности и «черного» рынка в годы Первой мировой войны остается недостаточно изученной и в настоящее время. Предметом интереса становилась преимущественно торговля алко-

гольной продукцией в условиях объявленного в начале войны «сухого закона» [2, 3], а также взаимодействие военного ведомства и крупных промышленных деятелей и возникающие между ними конфликты интересов [4]. Автору не встречались работы, ставившие те же вопросы, что и данная статья. Судя по всему, их может быть крайне мало.

Основой статьи послужили документы из фондов Донского областного жандармского управления, градоначальника г. Ростова-на-Дону, канцелярии Наказного атамана, правления области Войска Донского и из личного фонда донского казака и члена Союза русского народа И.Д. Попова.

Экономические проблемы, связанные с осложнением подвоза товаров, его нехваткой в связи с переходом национальной экономики на военные рельсы и уменьшением уровня конкуренции, были восприняты некоторыми торговцами как отличная возможность для искусственного повышения цен. О чем, например, свидетельствует письмо от 22 февраля 1916 года, адресованное купцу М.А. Якоби в Ростов от неизвестного автора из Москвы: «Имеющийся у вас товар следует продавать с повышением прейскуранта на 25 % и плюс 4 % эвакуационных. Потом просим продавать с повышением на 30 % к прейскуранту и вместе с тем принять к сведению, что повышение дойдет до 50 %. 4 % эвакуационных просим причислять к сумме фактуры за провоз и др. расходы»¹.

Одновременно с повышением цен часть дельцов занималась искусственным завышением спроса на принадлежавшие им товары, припрятывая их от покупателей, что непременно приводило к взвинчиванию цен. Показательной в этом плане можно считать «инструкцию» ростовского коммерсанта Нисона Ароновича Виргина, данную им компаньону

И. Окуню: «...Товар пока продавать не надо, надо дожидаться пока спадет ажиотаж, а товар перевести в другой склад, а говорить всем, что его скупили <...> Потом, когда спадет ажиотаж, можно будет продавать не дешевле 16 руб. плюс доставка за счет покупателя»². По-видимому, речь тут идет о перепродаже товаров розничным торговцам, которая неизбежно приводила к дополнительному росту цен.

Но даже по повышенным ценам оптовикам не всегда можно было приобрести нужный товар, что заставляло их искать обходные пути к поставщикам, например через посредничество знакомых и родственников. Так, например, ростовский племянник Исаака Соломоновича Левковича, саратовского табачного фабриканта, решил заработать, сведя дядю с заинтересованными в приобретении табака фирмами, которые вышли на него, будучи осведомленными об этом родстве³.

Со временем эти негативные тенденции начинали охватывать все новые и новые секторы народного хозяйства и экономики. Так, к примеру, на Владикавказской железной дороге были обнаружены злоупотребления в распределении нарядов на вагоны для грузов. Один из рядовых станционных служащих Павел Павлович Полешко попросту продавал бланки нарядов через портного Пржедецкого⁴. Подобного рода торговля получила настолько широкое распространение, что уже на небольшом отдалении от шахт трудно было достать уголь. Вагонные маклеры вступали в сговор с владельцами рудников, которые отказывались продавать уголь для транспортировки на телегах. Донской казак правых убеждений, активист Союза русского народа И.Д. Попов, обличая беспорядки на железной дороге, утверждал, что «на каждой станции встретите жида и можете у него за 50–100 целковых купить

¹ГАРО (Гос. арх. Ростов. обл.). Ф. 826. Оп. 1. Д. 396. Л. 43 об.

²Там же. Д. 405. Л. 230 об.

³Там же. Д. 396. Л. 79 об., 80 об.

⁴Там же. Л. 31–33.

вагоны»⁵. И это при том, что в ключевом железнодорожном узле – на станции Власовка – ежедневно простаивало от 300 до 400 свободных вагонов⁶. Эти манипуляции с вагонами для угля привели к тому, что цена на уголь в ноябре 1915 года и в Петрограде, и на Дону стала одинаковой и составила 50–60 к. за пуд, при том что на рудниках уголь стоил 13 к. за пуд⁷.

Начавшаяся война вскрыла еще одну крупную проблему российской экономики – дефицит стратегического сырья. Особенно остро отечественным оборонным заводам не хватало цветных металлов для увеличения производства снарядов. Следствием этого стали введение государственной монополии на оборот цветных металлов и учреждение «Металлического комитета». По оценкам Главного артиллерийского управления, в годы войны общая ежемесячная потребность русских оборонных предприятий в металлах разного вида и сорта, которую теоретически и должен был удовлетворять «Металлический комитет», составляла 25 млн пудов, или 400 тыс. т. Основными виновниками такого положения были крупнейшие синдикаты («Продуголь», «Продамет» и др.), еще перед войной за счет торгового сговора удвоившие цены на металл. Преодолеть кризис в отношении цветных металлов Россия пыталась расширением закупок меди в Японии [5, с. 99].

Введение монополии привело к тому, что как крупные, так и мелкие дельцы стали активно спекулировать столь важным стратегическим сырьем, потому что необходимость в нем продолжали испытывать разнообразные гражданские производства и ремесла. В области Войска Донского в 1915 году офицерами отдельного жандармского корпуса все чаще на железнодорожных станциях фиксировались неучтенные медь, цинк и прочие металлы. Нередко участни-

ками нелегальных сделок с цветными металлами были коммерсанты-евреи, потому что рынок вторичного сырья был сферой их влияния.

Так, купец Абрам Вениаминович Руштейн получил 3 ящика медных шишек и одну связку таких же труб для кроватей общим весом 11 пудов и 33 фунта, Яков Бупштаб-Вейцман – олова 97 пудов и 14 фунтов, Илья Дохнер-Липович – меди 9 пудов и 32 фунта, а цинка 14 пудов и 13 фунтов и т. д.⁸ Чаще всего цветные металлы переправлялись в Ростов-на-Дону из соседних регионов для дальнейшей перепродажи более крупным фирмам. Так, например, поступил горский еврей Хеврунь Амаевич Ифраимов, доставивший на станцию Нальчика 3 бочки и 1 ящик красной и желтой меди (общим весом более 80 пудов) для дальнейшей отправки и продажи в склад компании «И.Л. Дохнер и Ш. Липкович»⁹. Подобная незаконная деятельность процветала по всей стране и получила резко негативную оценку военного министерства. К примеру, почетный гражданин Омска Роберт-Николай Маркович Порт, перед тем как покинуть город, предлагал местным аптекарям скупить у него реквизирувавшийся в то время властями алюминий¹⁰.

В докладе начальника Главного артиллерийского управления спекуляция цветными металлами называлась «самой бессовестной и открыто происходящей» [5, с. 111]. В итоге в технологию производства боеприпасов вносились изменения. Инженеры Таганрогского завода Русско-балтийского судостроительного и механического акционерного общества предложили применять вазелин вместо олова для предотвращения окисления взрывателей, а в фугасных бомбах – цинковые втулки заменить деревянными [6].

В регионах же приходилось изыскивать другие пути получения столь важного сырья. Так,

⁵ГАРО. Ф. 830. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–33.

⁶Там же. Ф. 834. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.

⁷Там же. Л. 212 об.

⁸Там же. Ф. 826. Оп. 1. Д. 362. Л. 13, 15, 16.

⁹Там же. Л. 9.

¹⁰Там же. Д. 394. Л. 53.

Ростовскому военно-промышленному комитету для изготовления полевых кавалерийских кухонь было необходимо 150 пудов меди, которые удалось получить из запасов Новочеркасского собора. На оставшийся у собора резерв меди в 105 пудов еще не раз претендовал и военно-промышленный комитет, и лаборатория виноделия, и Донское общество сельского хозяйства, но эти запросы были отклонены. Еще раз медь была выделена лишь на ремонт 2 гигиенических кипятильников на санитарной станции¹¹.

Даже перенасыщение рынка сбыта реализуемым товаром не могло повлиять на ценообразовательную политику торговцев. Ярким тому примером может служить письмо, датированное 2 января 1916 года, задержанное военной цензурой, от некоего Ивана из Москвы на имя Николая Яковлевича Держента в Ростов: «1 янв. продал ячмень по 1 р. 80 к. за пуд и сегодня (2 января. — К. Б.) продал по 1 р. 75 к. за пуд, цена упала на 10 коп. в пуд [,] это связано с тем, что в Москву прибывает ежедневно по 30 и 40 ваг. ячменя на одну Курскую дорогу и на остальные дороги поступает его много [,] приходит из Таганрога, Харькова и Бердянска, это было бы ничего, но Градоначальник поставил на ячмень таксу по 1 р. 50 к. за пуд с кулями, хотя по нашим биржевым бюллетеням стоит цена до 1 р. 70 к. за пуд [,] но он с этим не считается, а ставит цены свои [,] и ходят сыщики, которые следят [,] кто дороже полицейской цены торгует, тому будет от Градоначальника награда 3 месяца тюрьмы <...> Ввиду этого приходится прибегать к различным [,] фокусам только долголи придется фокусничать [,] не знаю [,] но пока что Бог даст»¹².

Как видно из приведенного выше примера, отчаянные попытки органов государственной власти сгладить наиболее острые социальные проблемы и остановить лавинообразный рост цен не всегда были эффективны. Так, например,

постановление городской управы об установлении фиксированных цен на муку в г. Ростове-на-Дону для всех покупателей местными торговцами иногда вовсе игнорировалось¹³.

Но искусственным завышением цен занимались не только мелкие торговцы, но и богатые и высокоуважаемые ростовские воротилы, как, например, члены Ростовского военно-промышленного комитета братья Парамоновы. Подтверждением тому служит письмо, датированное 19 января 1916 года, добытое агентурным путем в Петрограде, адресованное Парамонову: «Я узнал из верных источников [,] что Министерство Внутренних Дел ужасно против вас за якобы взвинчивание цен на муку, антрацит и т. д. Даже посылали чиновника в Ростов исследовать этот вопрос [,] и будто бы этот чиновник привез самый неблагоприятный отзыв. Считаю своим долгом Вам это сообщить, а то боюсь эксцессов от г. Хвостова». На полях документа чиновник жандармского управления оставил замечание: «Парамонов заработал 15 млн»¹⁴.

Чтобы выйти на такие цифры прибыли, коммерсанты использовали сразу несколько мошеннических схем. В связи с тем, что 1914–1916 годы на юге были урожайными по хлебу, братья Парамоновы дешево скупали зерно у казаков и крестьян, но после обмолота пшеницы на собственных мельницах проводили по документам муку разных сортов как муку низшего сорта, неоплачиваемую гербовым сбором, а в продажу для пекарен пускали низкий сорт муки по цене высшего сорта, что дополнительно давало им по 2 р. с мешка. При этом они (как и другие мукомолы) перестали давать обычную скидку по 1 р. с мешка и отказывались предоставлять бесплатную доставку¹⁵.

Однако в скором времени о «черных делишках» братьев Парамоновых стало известно в столице. Как следствие, вышло предписание военного министра от 9 октября 1916 года, по которому постоянный член Главного военного

¹¹ГАРО. Ф. 301. Оп. 11. Д. 868. Л. 1, 9, 10, 19, 23, 32.

¹²Там же. Д. 396. Л. 8 об.

¹³Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3878. Л. 7.

¹⁴Там же. Ф. 826. Оп. 1. Д. 396. Л. 14.

¹⁵Там же. Ф. 834. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

суда генерал от инфантерии Аркадий Николаевич Волков начал производить расследование. Наиболее интересным фрагментом расследования было рассмотрение дела Новочеркасской судебной палаты по уголовному департаменту о редакторе газеты «Ростовский-на-Дону листок» Владимире Николаевиче Костричине.

Само дело включает в себя 9 обвинительных пунктов по поводу злословия, клеветы и оскорбления чести и достоинства братьев Парамоновых. По 8 из 9 пунктов Костричин был оправдан, но наиболее интересным является первый пункт обвинения – он был основан на следующем отрывке из статьи Костричина «Терни дня», опубликованной в № 561 от 6 февраля 1915 года: «Фирма Парамонова заключила громадную сделку на поставку муки в Швецию. А к югу за морем лежит страна, о которой забыли (намек на Германию. – К. Б.). Утверждается, что в Финляндии все вагоны забиты мукой Парамоновых»¹⁶.

Суд признал вышеизложенный текст и намеки в нем как позорящие честь и достоинство братьев Парамоновых ввиду того, что торговля с нейтральными странами не запрещена, а ответчику не удалось доказать торговую связь Парамоновых ни с Германией, ни с нейтральными странами. По этому пункту обвинения Костричин был приговорен к 15 суткам ареста при полицейском участке¹⁷. Причину столь мягкого наказания Костричина проясняет особое мнение председательствующего члена суда В.А. Мартянова, который отметил, что факт поставки муки в Швецию был доказан; сам Костричин не имел умысла опозорить братьев Парамоновых, а лишь хотел предупредить российскую власть о последствиях такой торговли. Ввиду этого Мартянов признал Костричина невиновным¹⁸.

Вся эта непродуманная эгоистическая политика торговцев-спекулянтов разного уровня приводила к тяжелым последствиям для населения и страны в целом, а также для них самих,

т. к. порождала различные слухи относительно торговых связей некоторых предпринимателей с противником. Так, наиболее любопытным тому подтверждением служит выписка из перлюстрированного военной цензурой письма Александры Карповой, адресованного ее мужу Георгию Карпову, военнопленному в Австрии, и переданного в жандармское управление 13 ноября 1916 года: «Жорочка [,] жизнь в России очень тяжелая [,] по улицам так и видно [,] что люди все ждут чего-то небывало страшного, струны так натянуты, что стоит только ветерку прикоснуться [,] и они все лопнут. Съестных припасов очень мало. Мясо в неделю 3 раза по 30 коп. за фунт, сала буквально нет никакого, масло сливочное 1р. 80 коп. за фунт [,] постного масла нету совсем уже давно, значит жарить ничего нельзя [,] то есть не на чем. Картофель за пуд 1р. 20 коп. [,] да и за эту цену ея очень очень мало, во всем большой недород. Хлеба в городе с каждым днем все больше и больше не хватает. Мельницы все стали давно, муки не дают, сахару тоже нету, хлеб с 1 октября будем получать по карточкам, а пока едим его вволю. Я для тебя купила 2 мешка муки 10 пудов, спасибо Камки [,] что продал [,] а то бы горе было, теперь купить негде. Кама за три дня до мобилизации уехал куда-то под Минск [,] там у него есть приятель [,] заведующий над работами казенного леса, вот он и обещал его устроить работать на оборону, значит он попадет на учет [,] только труд там очень тяжелый, были бунты, все магазины побили солдатки и дети. В Ростове тоже на половину магазинов убавилось [,] да и те могут каждый день разбить за грабеж [,] пока уцелел только Ростов да Петроград, да и как и не бунтовать, мужей и сыновей во всех позабирали, кормить семью некому, а они все попрятали, ботинок нет, галош нет, угля нет [,] и есть почти нечего, на все продукты громадная очередь [,] и все в 5 раз дороже. Миленький мой Жорочка, вот дожили до чего, что со своими же деньгами

¹⁶ГАРО. Ф. 301. Оп. 11. Д. 868. Л. 215.

¹⁷Там же. Л. 216.

¹⁸Там же. Л. 218 об.

и пропадешь с голоду, хотя бы скорей добивали нас [,] и дали бы покой на земле. Хоть лет 10 пожить еще. Сейчас утра 9 часов, пошла в пекарню за хлебом [,] а не могла достать, очередь стоит от Почтового пер. до Никольскаго, народ ругается, кричит на беженцев, откуда вы [,] проклятые [,] сюда наочевали, через Вас мы без хлеба сидим. А беженцы говорят: “Если бы вы [,] русские [,] были хорошие люди [,] то война давно бы кончилась [,] и мы бы не страдали и Вас не стесняли”. А в лавке ругают жида. Это все ваше жидовски штуки, давай хлеба, а чем виноват еврей, что Парамонов весь хлеб продал немцам. А в субботу нужно пойти за карточками на сахар [,] и та же очередь и все та же ругань. Когда Ростов разгромят [,] я тебе напишу так [:] Ростов цветет, а ты догадайся»¹⁹.

Хотя абсолютно надежных документов, подтверждающих торговые связи Парамоновых с коммерсантами Германской империи, не было, слухи о вывозе хлеба за границу небеспочвенны. Согласно архивным документам, такие случаи имели место быть. В области Войска Донского такой деятельностью занималась организация «Общество экспорта зерна», о чем свидетельствуют добытые агентурным путем Отдельным жандармским корпусом 2 письма на французском и немецком языках. В одном из них говорится, что некая немецкая фирма хотела бы приобрести не 4960 пудов ячменя, а 4 тыс. четвертей; это существенное отличие, т. к. первая величина соответствует 81 т, а вторая – 786 т.²⁰

В Германии и Австро-Венгрии действительно остро нуждались в хлебе и других продуктах. Так, согласно письму жены австрийского военнопленного Карла Кюртнера, имеющей свою пекарню в австрийском г. Теплиц, смесь для выпечки черного хлеба в 1916 году состояла в основном из кукурузной муки, к ней примешивались картофельная крупа, растертый вареный картофель, ячменная и пшеничная мука, менее всего было ржаной. Но и этих про-

дуктов хватало лишь на небольшие партии хлеба, который пекарня отпускала только старым покупателям и в обмен на хлебные карточки. Муку получали из продовольственного комитета и подписывали бумагу с указанием состава смеси.

Фрау Кюртнер комментировала ситуацию следующим образом: «Конечно, ужасно трудно выпекать из этой смеси хлеб, который не подвергался бы большим нареканиям и хоть сколько-нибудь был бы полезен для здоровья. Наше ремесло подвержено строжайшему контролю, и всегда, можно сказать, одной ногой стоим в тюрьме. При высоких ценах на муку на хлебе почти ничего не зарабатываем. Поэтому печем и пряники, печенье и другие кондитерские вещи, которые разбираются нарасхват»²¹.

Но следует также отметить, что дельцы, организовавшие полулегальный импорт из Германии, находились в России. Например, сын купца 2-й гильдии Ганс-Теодор Иршик, имевший в г. Ростове-на-Дону комиссионную контору. Он пользовался лазейками в законодательстве, позволявшими в особых случаях продолжать торговлю с фирмами стран-противниц. Об этом свидетельствует его письмо от 1 марта 1916 года, адресованное акционерной компании «А.Б. Бальдвин, Ларсон и Ко» в Стокгольме, добытое агентурным путем: «...Просьба выслать 6 штук комплектов механизмов для кофейной мельницы Триумф – величина 5, цена 16 марок; 12 штук тоже для кофейной мельницы Мотомюль, величина 2, цена 27 марок, производимых на заводе в Гамбурге. Эти механизмы прошу по почте направлять по моему адресу через здешний банк. Дальше [имею] желание сделать большой заказ на ручки, карандаши и т. д. для фирмы Лира и А.В. Файбер-Штейн. На эти предметы немецкого происхождения имею разрешение правительства для ввоза. Присылать товары на Ростов-на-Дону [в] Купеческий банк, также интересны товары фирмы Штейутмана-Ройтч-Хемниц-Альтендорф»²².

¹⁹ГАРО. Ф. 301. Оп. 11. Д. 405. Л. 238 об.

²⁰Там же. Д. 396. Л. 56.

²¹Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 15. Л. 70 об.

Другие же попросту находили себе компаньона-немца и открывали комиссионную контору по поставкам немецких товаров в Россию как якобы произведенных в нейтральных странах. Так поступал, например, по сведениям Ростовского отдельного жандармского корпуса, некий Арон Зеликович Глуховский: в связи с прекращением импорта немецких товаров 24 сентября 1914 года он, предварительно договорившись с рядом ростовских фирм, выехал в Данию. В Копенгагене он открыл контору на паях с немецким коммерсантом для ввоза в Россию немецкой продукции под видом товаров датского производства²³.

Также его контора принимала деньги для пересылки как германским, так и российским военнопленным. Глуховский собирался сыграть на эти деньги на валютной бирже. В письмах к своему управляющему, проживающему в Ростове, он просил слать не только деньги для военнопленных, но и побольше русских кредитных билетов сторублевого достоинства, т. к. русский рубль на местной бирже заметно укрепился, что открывало возможность заработать на курсе валют²⁴.

О результатах коммерческих успехов Глуховского можно судить по тому факту, что к 22 апреля 1916 года на счете его жены в одном из ро-

стовских банков лежал капитал на сумму свыше 100 тыс. р., а сам он стал крупным акционером Балтийской экспортной компании²⁵.

Благодаря перлюстрированным письмам и свидетельствам продолжавшегося, хотя и значительно сокращенного товарооборота между Россией и Германией перед нами предстает полная схема деятельности комиссионных фирм. Для работы была необходима фирма-посредница или собственная комиссионная контора в одной из нейтральных стран, лучше всего в Дании или Швеции. Деньги перечислялись банковскими переводами через финансовые учреждения нейтральных стран, а пересылка товаров осуществлялась не обычной почтой, а через почтово-банковскую систему.

В заключение хочется отметить, что начавшиеся военные действия не просто деформировали устоявшиеся экономические взаимоотношения, но также послужили толчком для развития новых методов и способов обогащения в условиях крупных и продолжительных внешнеполитических конфликтов. Также можно осторожно предположить, что усиление антиправительственных настроений среди капиталистов-либералов было тесно связано с их незаконной экономической деятельностью в годы войны.

Список литературы

1. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 656 с.
2. Чагадаева О.А. «Смесь красного вина с раствором динамита...»: «сухой закон» и черный рынок в годы Первой мировой войны // Родина. 2010. № 8. С. 77–79.
3. Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (По материалам Петрограда и Москвы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
4. Айранетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. М., 2003. 256 с.
5. Павлов Д.Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014. 261 с.
6. Морозова О.М. Таганрогский завод Русско-балтийского судостроительного и механического акционерного общества // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: в 3 т. М., 2014. Т. 3. С. 296–297.

²²ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 396. Л. 50 об.

²³Там же. Д. 405. Л. 78.

²⁴Там же. Л. 177.

²⁵Там же. Л. 88 об.

References

1. Sidorov A.L. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Economic Situation in Russia During World War I]. Moscow, 1973. 656 p.
2. Chagadaeva O.A. “Smes’ krasnogo vina s rastvorom dinamita...”: “sukhoy zakon” i chernyy rynek v gody Pervoy mirovoy voyny [“A Mixture of Red Wine and Dynamite Solution...”: Dry Law and the Black Market During World War I]. *Rodina*, 2010, no. 8, pp. 77–79.
3. Chagadaeva O.A. “Sukhoy zakon” v Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny (Po materialam Petrograda i Moskvy): *avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Dry Law in the Russian Empire During World War I (Petrograd and Moscow): Cand. Hist. Sci. Diss. Abs.]. Moscow, 2013.
4. Ayrapetov O.R. *Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i na revolyutsiyu* [Generals, Liberals and Entrepreneurs: Work for the Front and Revolution]. Moscow, 2003. 256 p.
5. Pavlov D.B. *Russko-yaponskie otnosheniya v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Russian-Japanese Relations During World War I]. Moscow, 2014. 261 p.
6. Morozova O.M. *Taganrogskiy zavod Russko-baltiyskogo sudostroitel’nogo i mekhanicheskogo aktsionernogo obshchestva* [Taganrog Factory of the Russian-Baltic Shipbuilding and Engineering Joint Stock Company]. *Rossiya v Pervoy mirovoy voynе. 1914–1918: v 3 t.* [Russia in World War I. 1914–1918: In 3 Vols.]. Moscow, 2014. Vol. 3, pp. 296–297.

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.1.5

Berkutov Kirill Sergeevich

Postgraduate Student, Don State Technical University
1 pl. Gagarina, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation;
e-mail: kirillmata3@gmail.com

COMMERCIAL CRIMES IN THE BUSINESS WORLD DURING WORLD WAR I

This article turns to the black market and shadow economy in the Russian Empire during World War I. The destruction of the established economic ties opened up new opportunities for traders to make substantial profit. The author of this paper studied previously unused archival documents to reveal the methods and schemes of illegal transactions with key commodities: food and strategic raw materials. Over time, the shadow sector extended to new segments of the national economy, undermining the economic mechanism and playing into the enemy’s hands. Moreover, the fraudulent schemes described here in detail were applied both by petty traders and prominent representatives of the economic elite in southern Russia, such as the company of E.T. Paramonov’s heirs. Local authorities monitored the violations but had neither enough tools nor will to stop these illegal activities and waited for the command from above. Consequently, the executive bodies had no choice but to observe the negative trends affect the lives of ordinary people, causing unrest, giving rise to various rumours and paving the way for civil disobedience. Brothers Paramonov’s membership in the Constitutional Democratic Party and the first timid attempts to evaluate their commercial activities during the judicial inquiry, possibly, contributed to the growing discontent among the liberals with the government agencies.

Keywords: *World War I, Russian Empire, shadow economy, commercial collusion, contraband, speculation.*

Контактная информация:
адрес: 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1;
e-mail: kirillmata3@gmail.com